

АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЫ РУССКОГО СЕВЕРА

УДК 72.031.2-035.3(470.1)
ББК 85.113(231)

П.В. Жуков

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Т.Е. Жукова, С.М. Халаби, Л.А. Беляева

Российский университет дружбы народов, РУДН, Москва, Россия

Аннотация

Статья раскрывает образный строй памятников древнерусского деревянного зодчества, их красоту, рожденную осознанием общей гармонии жизни, этическими и эстетическими идеалами христианской Руси. Проводится параллель: образ памятника – образ мышления – образ жизни. Исследование перекликается с заметками из истории России и реставрации шедевров русской строительной культуры. В статье раскрывается особенность восприятия деревянной архитектуры, которая заключается в том, что она должна восприниматься непосредственно в том месте, где была построена. Обсуждается необходимость сохранения священных рощ, дается краткая типология объектов деревянной архитектуры, их размещения в природной среде. Исследуется связь реформы церкви второй половины XVII века и изменений облика деревянных храмов. Приведены примеры использования объектов, выстроенных из дерева, и раскрывается важность такого объекта как часовня.¹

Ключевые слова: деревянная архитектура, русское зодчество, Русский Север, изба, церковь, часовня

PERCEPTION OF THE RUSSIAN NORTH WOOD ARCHITECTURE

P.V. Zhukov

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

T.E. Zhukova, S.M. Halabi, L.A. Belyaeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract

The article reveals the figurative structure of the monuments of ancient Russian wood architecture, its beauty, born of the realization of the general harmony of life, the ethical and aesthetic ideals of Christian Russia. A parallel is drawn: the image of the monument – the way of thinking – the way of life. The study points out the notes from the history of Russia and the restoration of masterpieces of the Russian building culture. The article reveals the peculiarity of the perception of wood architecture, which consists in the fact that it must be perceived directly in the place where it was built. The need to preserve sacred groves is discussed, a brief typology of objects of wood architecture, their placement in the natural environment is given. The connection between the church reform of the second half of the 17th century and the changes in the appearance of wooden churches are investigated. Examples of the use of objects built of wood are given, and the importance of such an object as a chapel is revealed².

¹ **Для цитирования:** Жуков П.В. Аспекты восприятия деревянной архитектуры Русского Севера / П.В. Жуков, Т.Е. Жукова, С.М. Халаби, Л.А. Беляева // Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – №2(43). – С. 266-276 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2018/2kvart18/17_zhukov_halabi_belyaeva/index.php

² **For citation:** Zhukov P.V., Zhukova T.E., Halabi S.M., Belyaeva L.A. Aspects of Perception of the Wooden Architecture of the Russian North. Architecture and Modern Information Technologies, 2018, no. 2(43), pp. 266-276. Available at: http://marhi.ru/eng/AMIT/2018/2kvart18/17_zhukov_halabi_belyaeva/index.php

Keywords: wood architecture, Russian architecture, Russian North, hut, Church, chapel

Дерево в жизни человека всегда играло огромную роль. Даже сегодня мы вряд ли сможем себе представить окружающий мир без деревьев и изделий из древесины. Тем значительнее роль дерева в жизни людей, живущих в постоянном контакте с естественной природной средой. Актуальность исследований в этом направлении на современном этапе заключается в том, что историческое восприятие деревянного зодчества очень важно для просветительно-образовательных функций. Целью данной публикации является знакомство аудитории с памятниками деревянного зодчества Русского Севера.

В древние времена зависимость от дерева и древесины была намного сильнее. Дерево кормило, защищало, обогревало, обеспечивало уют. «Множество мифов о “древе жизни”, “древе познания”, “мировом дереве” наталкивают на мысль о специальной семантике дерева. Образ выходящего из недр земли дерева в архаическом мифосознании ассоциировался с образом человека, рождающегося из чрева матери. Эта мифема еще недостаточно исследована в работах специалистов по мифологии» [3].

Для таежных мест Русского Севера почитание и уважение к природе и, в частности, к деревьям вплоть до начала XX века оставалось важнейшей составляющей частью традиционного уклада жизни. Имеются свидетельства, что в конце XIX века в Новгородской губернии существовали «заповедные рощи»: «Такие рощи состоят большею частью из сосновых больших деревьев величественного вида. <...> Признаками почитания этих мест, прежде всего, служат, во-первых, их неприкосновенность; во-вторых, около многих рощ выстроены в новейшее время часовни, причем, не нужно думать, что рощи насажены после устройства селения и получили свою святость от часовни, так как эти рощи состоят из вековых великанов, в сравнении с которыми настоящие леса кажутся молодцами; в-третьих, существует много рассказов о том, что если кто покушался срубить хоть одно дерево из этих рощ, то с ним вскоре же случалось какое-нибудь несчастье: либо ослепнет, либо захворает и умрет; в-четвертых, молодежь из уважения к этим рощам никогда не собирается под ними веселиться и водить хороводы в весеннее время» [4]. Надо отметить, что и сегодня на севере России сохранились «священные рощи» и «священные деревья», к которым местные жители относятся с достаточным уважением, а в отдельных случаях, и с почитанием (рис. 1). «Ограничение в хозяйственном использовании этих участков связано с традициями местного населения. В этих участках нельзя рубить деревья, ломать сучья, заготавливать бересту и вести любую хозяйственную деятельность» [7]. Окрестное население относится к этим местам с суеверным страхом и почетом, считая, что роща принадлежит тому угоднику, для которого в роще построена часовня. Обычно и названия священных рощ даются по названию часовни [5].

Уважение и почитание природы воспитывалось веками и у жителей Русского Севера. Наверное, это заложено на генетическом уровне. Вот как пишет А.В. Ополонников о жизни народов Русского Севера «Человек не покорял природу, не противопоставлял себя ей. Он жил в ней и с ней, словно бы заботящиеся друг о друге родственники» [1].

Говоря о деревянной русской архитектуре, как правило, сегодня идет речь о Севере России. Это не значит, что роль дерева в жизни народов юга России играет меньшую роль (хотя масштабы лесных ресурсов в силу природно-климатических условий значительно меньше). Скорее всего, в этом вопросе значительную роль сыграли периодические военные конфликты, охватывающие как центральную часть России, так и южные ее рубежи. Кроме того, для развития и сохранения объектов деревянного зодчества на Севере России благоприятно сказалось отсутствие в этих местах

крепостного права. Люди, которых не устраивали условия жизни в центральной части, переселялись в более глухие и отдаленные места. Характерным примером может служить Онежский край. Уже, начиная с IX века, сюда переселяются выходцы из Великого Новгорода занимая пустынные земли, а иногда вытесняя немногочисленные финно-угорские племена. Все они к концу XV века вместе с Великим Новгородом становятся частью единого Русского государства. В связи с этим в деревянном зодчестве Русского Севера мы видим характерные черты новгородской школы. Земли на Севере для строительства жилья всегда было в достатке. Так как отсутствовали административные органы, организация жилых структур была свободной.

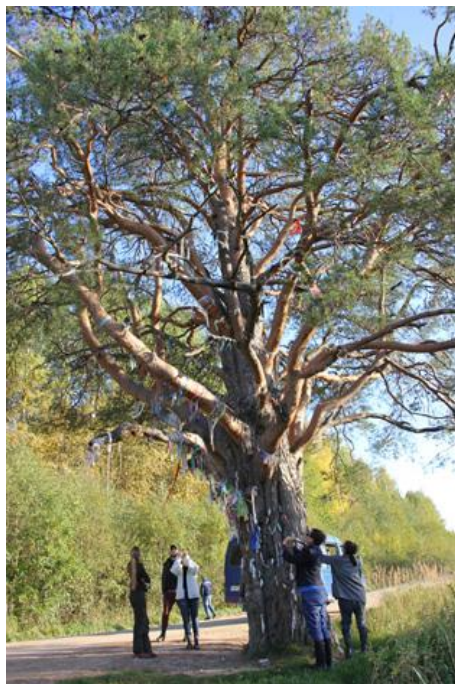

Рис. 1. Священное дерево у деревни Филипповская (фото автора)

Объектами выполненного исследования являлись жилые дома, хозяйственные постройки, инженерные и культовые сооружения Русского Севера.

Для большинства людей семья и дом, в котором она живет, является важной составляющей. Жилые дома на Русском Севере отличаются и по сей день не только своими размерами и деликатной проработкой деталей. В каждом элементе северного дома имеется определенная функциональная необходимость. Любой орнамент или деталь сделаны, или, как говорили, «рублены» достаточно просто и вместе с тем изящно, так что и рукам удобно и глазу приятно. На севере дома устраивались так, что в них и жили и работали. В жилой половине спали, готовили, занимались рукоделием. В хозяйственной - размещалась скотина, устраивались мастерские, хранилось сезонное оборудование. Зимний период на севере длинный, снежный и холодный. Устройство и организация северного дома позволяло целым семьям по несколько дней не выходить на улицу, и при этом для всех находилась необходимая работа. Дома на севере были большими, объем некоторых был более двух тысяч кубометров. Хозяйственная часть большинства домов была оборудована ввозами. Иногда размер хозяйственной части был таким, что лошадь с телегой могла развернуться внутри дома. В таких домах (рис. 2) жили целыми родами. Во главе рода стоял старейший представитель – отец женатых сыновей. Организационно дома делились на избы (в данном контексте изба – это место в доме для проживания отдельной семьи). Иногда в северных домах насчитывалось до пяти изб. Известно три основных типа северного дома.

«Брус» - самый распространенный из них. Он получил свое название из-за вытянутой формы, где хозяйственная часть по длине пристраивалась к жилой части, и весь дом объединялся под единой двускатной крышей.

Другой тип дома «глаголь». Он получил свое название из-за того, что в плане он похож на букву «Г». В нем хозяйственная часть пристраивалась под прямым углом к жилой части.

Еще один тип северного дома – это «кошель». В этом случае хозяйственная часть пристраивалась вдоль жилой части. В плане получилась форма, близкая к квадрату. Перекрывался такой дом обычно длинной двускатной крышей.

Интересно, что, несмотря на такую сравнительно небольшую типологию объемно-планировочных структур, на Севере России невозможно встретить два одинаковых дома. Не признавал свободный поселенец Русского Севера «типовой застройки». Каждый дом рубился индивидуально на своем месте и для своей семьи. Вот и получалось у них просто, честно и с душой. Да так, что изменить ничего нельзя, все на своем месте. Видно, образования не хватало, чтобы строить однообразно и скучно.

Рис. 2. Дом Ошевнева (фото автора)

Из дерева также рубились все хозяйственные постройки и сооружения. Одним из немаловажных и практически неотделимых сооружений любого двора являлся амбар. Он предназначался для хранения продуктов питания, инструментов и различных принадлежностей. В зависимости от предполагаемой цели использования амбара их располагали в тех местах, где они были удобнее всего для эксплуатации. Так, амбары для хранения собранного урожая ставились непосредственно вблизи полей. Рыбные амбары были предназначены для хранения снастей и для кратковременного хранения улова (рис. 3). Ставились они на берегах рек и озер. Амбары, ставившиеся непосредственно возле жилья совмещали функции хранения продуктов и предметов крестьянского быта. Объемно-планировочное решение амбара представляет собой традиционную клеть, оборудованную внутри для хранения необходимых вещей и продуктов.

Близким к амбару по своему функциональному значению можно считать охотничий лабаз. Раньше на Севере России одним из основных промыслов являлась охота. Охотники уходили в тайгу надолго. Для возможности промежуточного хранения, как добычи, так и съестных припасов охотники строили совсем небольшие домики, где мог поместиться только один человек и небольшое количество вещей. Для сохранения содержимого от

хищников и грызунов часто лабаз устанавливали на столбы или устраивали в ветвях деревьев. Возможно, эти сооружения и послужили прообразом сказаний о Бабе-Яге и ее избушке на курьих ножках. С изменением общественного уклада жизни и появлением современных видов транспорта необходимость данных сооружений отпала. И сегодня охотничьи лабазы можно увидеть только в музеях или на старых фото.

Рис. 3. Рыбные амбары на берегу Онежского озера (фото автора)

Другим немаловажным объектом, находившемся практически в каждом крестьянском доме, была баня. Трудно переоценить значение русской бани для жителя Севера. О ее лечебно-профилактических свойствах существует достаточно много как научных исследований, так и выдуманных историй. С точки зрения пространственной организации бани и сегодня играют значимую роль в любом поселении. Ставились бани всегда на некотором удалении от дома в целях пожарной безопасности. Часто их ставят в непосредственной близости от водоемов. Это связано с удобством доставки необходимой для мытья и стирки воды, так и для возможности искупаться. По своему объемно-планировочному и конструктивному решению это достаточно простое и надежное сооружение с функциональной точки зрения. Надо отметить, что баня топилась по-черному, т.е. прямой дымоход из печи не был предусмотрен. В процессе топки дым проходил через помещение бани, обогревая и обеззараживая угарным газом помещение и выходил в «дымник» (специальное отверстие, расположенное в потолке). После топки из нагретой печи извлекались остатки продуктов горения, дымник закрывался, и баня была готова к использованию.

Несмотря на кажущуюся примитивность данного сооружения, бани «по-черному» и сегодня широко распространены на Русском Севере. Бани обычно перекрывались двускатной крышей, это позволяло в образовавшемся чердачном помещении хранить всю необходимую утварь. По объемно-планировочной структуре это традиционная клеть с перерубом для предбанника. Основное помещение бани оборудовалось печью-каменкой с вмонтированным в нее котлом для подогрева воды, бочкой для холодной воды и парой лавок вдоль продольной и торцевой стены.

Поселенцы Русского Севера научились обрабатывать дерево в совершенстве. Даже сравнительно сложные инженерные и технические сооружения делали из древесины. К одним из таких сооружений относятся мельницы (рис. 4). Мельницы на Севере были двух типов – ветряные и водяные. Они были предназначены как для помола зерна в муку, так и для дробления крупы. Мельницы на Севере, как правило, были общественные. Отличительной их особенностью было то, что это были «столбовки». Устройство таких

мельниц позволяло поворачивать их в зависимости от направления ветра. Мельницы «шатровки» на Севере практически не применялись. При наличии полноводных рек надежнее считалось ставить водяные мельницы. С развитием научно-технического прогресса и изменением принципов хозяйствования необходимость постройки и содержания мельниц данного типа практически отсутствует. Поэтому сегодня мы можем видеть только восстановленные мельницы в музеях и заповедниках.

Рис. 4. Мельница на острове Кизи (фото автора)

Необходимо вспомнить и такой тип инженерных сооружений, как мосты. Если небольшие пешеходные деревянные переправы через ручьи и овраги можно встретить довольно часто, то мосты из дерева, предназначенные для переправы транспортных средств, к настоящему моменту практически не применяются. Тем более интересны и достойны внимания те редкие экземпляры, которые и по сей день добросовестно служат людям. Сами по себе эти интереснейшие сооружения способны выдерживать не только груженный транспорт, но и противостоять весенним паводкам и ледоходам. В данной статье речь идет о ряжевых мостах. Один из сохранившихся таких мостов можно увидеть на реке Кене (приток Онеги) в Архангельской области.

В немногочисленных сохранившихся селах Русского Севера и сегодня принято использовать дерево как основной подручный материал. Из дерева сооружаются различные пешеходные настилы, мостики и «лавины» (плавающий мост, имеющий сезонное назначение), изгороди и т.п. И на первый, поверхностный взгляд такое использование дерева может показаться расточительным и неэффективным. На самом деле крестьянское хозяйство всегда было самым рачительным (с точки зрения использования ресурсов) и экономичным видом хозяйствования. На крестьянском дворе все отходы получали вторичное использование. Так и отслужившая свое древесина либо применялась для изготовления мелких изделий, либо шла на топливо. Свалки и мусорные полигоны – это атрибуты городов, но не деревень Русского Севера.

Однако, все ранее созданное (а кое-где и по сей день создается, поддерживается и восстанавливается) было бы невозможно без особой и своеобразной духовной составляющей свободного крестьянина Русского Севера. Это неподдельная любовь к родному краю и отчому дому пронизывала многие поколения на протяжении веков. И как выражение этой любви и гордости за свою вотчину возводились повсеместно церкви и часовни. «Церковь», объединяя верующих людей религиозными обрядами и таинствами, может взаимодействовать со структурами светскими и, кроме прочего, выполнять свое

миссиологическое служение в ряде различных социальных направлений сообразно уставу и роду деятельности общины» [9]. Именно в этих деревянных архитектурных сооружениях многие специалисты и обычные люди находят особую гармонию и красоту (рис. 5,6). В эти постройки, зачастую находившиеся в непроходимых лесах, мастера вкладывали все свое умение и мастерство. Для создания храмов и обустройства святых мест шел лучший материал. На отдаленных северных территориях в основном строили часовни. «Недостаток церквей, отдаленность от них приходских селений, плохие пути сообщения (бездорожье, леса, болота, озера, а также разливающиеся весной и осенью многочисленные реки) – все это вызывало появление так называемых часовенных приходов, характерных именно для северной Руси. <...> Часовня заменяла прихожанам церковь, но построить ее было гораздо легче, так как требовалось значительно меньше затрат рабочей силы, времени, строительного материала и средств, чем при строительстве церкви» [3].

Рис. 5. Часовня Ильи Пророка близ деревни Горбачиха (фото автора)

Рис. 6. Старообрядческая церковь близ села Лядины (фото автора)

В данной статье мы не будем останавливаться на отдельных памятниках церковного деревянного зодчества. Все утраченные и сохранившиеся памятники архитектуры описать в короткой статье невозможно. Хочется лишь обратить внимание на две особенности деревянных церквей и часовен Русского Севера:

1. В своем абсолютном большинстве имена авторов этих сооружений неизвестны. Неизвестно и то, что где-либо готовили специалистов для строительства деревянных церквей на Русском Севере. А, стало быть, данные произведения можно отнести только к виду «народного творчества». И, безусловно, это обстоятельство является показателем массовой культуры и мастерства.

2. Начиная со второй половины XVII века в связи с произведенным «расколом» в Русской православной церкви и введением церковной реформы начинаются гонения на старообрядцев. Синод начинает бороться с культовыми постройками староверов. Где-то церкви просто уничтожали, а где-то сносили шатровые покрытия, заменяя их главками. Также Синод до середины XIX века выпускает периодические указы о запрете самостоятельного строительства церквей и часовен. Строительство новых культовых построек разрешается только по утвержденным Синодом таблицам и схемам [1]. Нет смысла лишний раз описывать проблемы церквей, которые возникли после революции 1917 года.

На протяжении двух с половиной веков с лучшими произведениями деревянного зодчества велась борьба на государственном уровне. «К сожалению, северная деревня как произведение народного искусства постепенно исчезает» [6]. Объявлялись гонения и на строительство часовен. «Крестьяне были не только устроителями часовен, но также содержали их и «строили». В последнее понятие входило как возведение здания, так и приобретение предметов внутреннего убранства и необходимый ремонт. Крестьяне же при необходимости выполняли в своих «малых церквях» обязанности священников: вычитывали некоторые службы, не требовавшие наличия алтаря, а также от «великой нужды» крестили младенцев и отпевали покойников. Видимо, именно этот демократический характер бытования северных часовен, наряду с такими причинами, как распространение раскола и сокращение доходов церквей, имел определенное значение в решении вопроса о гонениях на часовни. Относительно архитектурной формы часовен никаких официальных указов никогда не было в противоположность тому пристальному вниманию, которое проявляли со второй половины XVII века церковные власти к облику деревянных церквей. Поэтому в архитектуре часовен нашли воплощение подлинно народные вкусы и представления о красоте, месте и роли культовой постройки в ансамбле как отдельных поселений, так и целых волостей» [2].

До нашего времени дошла часть этих памятников архитектуры и искусства. И при этом уничтожался тот самый народ, обычный крестьянин. «В переломные времена смены художественных представлений и сложившихся норм остро обнажаются проблемы отношения к принципам архитектурной композиции, средств художественного языка, противопоставления традиционных предпочтений и авангардных устремлений» [10]. Но, несмотря на все запреты, на Русском Севере появилось большое количество часовен и церквей в своих объемно-планировочных решениях опирающихся на традиционные принципы клетских храмов вопреки требованиям Синода. И разве не является это отражением силы народного духа и желанием этого народа сохранить свое культурное наследие?

Основные выводы. В связи с вышеизложенным необходимо обратить внимание на то, что деревянное зодчество Русского Севера практически всегда было задумано и выполнено народными мастерами. До наших дней дошли только единичные имена мастеров. Естественно, эти люди не имели академического образования, да, подчас, и никакого не имели. Все, чем они располагали, это: 1) приемы и способы строительства, переданные им предыдущими поколениями; 2) духовное и физическое воспитание, основанное на многовековом укладе жизни, опирающемся на патриархальные нормы и традиции;

3) относительно благоприятные внешние факторы, сложившиеся для ряда регионов Русского Севера: отсутствие междоусобных розней, длительное отсутствие крепостного права. На основе рассмотренного материала можно сделать вывод – деревянное зодчество Русского Севера нужно рассматривать как один из видов народного искусства. Без соответствующей нравственной и духовной составляющей невозможно создание аналогичных произведений архитектуры и прикладного искусства. Именно из-за отсутствия этих составляющих современные поделки из дерева выглядят неуместным подражательством. И это можно считать признаком заката архитектуры. Можно сказать, что либо мы изменим подход к архитектуре в целом и к деревянной в частности, либо в скором времени утратится смысл понятия «архитектура».

Литература

1. Ополовников А.В. Дерево и гармония / А.В. Ополовников, Е.А. Ополовникова. – М., 1998. – С. 14, 101.
2. Лютикова Н.П. Часовни и кресты на Русском Севере // Кенозерские чтения – 2009. Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. – Архангельск, 2011. – С. 4.
3. Кирсанова О.Т. Дерево как прообраз человека в мифологическом сознании // Кенозерские чтения – 2009. Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. – Архангельск, 2011. – С. 181.
4. Агапкина Т.А. Материалы по славянскому язычеству // Литература Древней Руси: Источниковедение / Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. – Л., 1988. – С. 224-335.
5. Третьяков С.В. Святые рощи и деревья Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения 2004 / С.В. Третьяков, С.В. Коптев, В.П. Косарев. – Архангельск, 2004. – С. 151-158.
6. Жукова Т.Е. Исследование культурных ландшафтов Русского севера как фактор воспитания специалистов / Т.Е. Жукова, П.В. Жуков, Т.А. Дубровина, М.С. Рябова, А.А. Сергеева // Успехи современной науки. – Т. 4. – 2017. – №1.
7. Жуков П.В. Развитие инфраструктуры туризма в условиях Русского Севера / П.В. Жуков, Т.Е. Жукова // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2013. – №5.
8. Борисов С.В. О современном понимании аскетизма в храмовой архитектуре // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №4(41). – С. 201-218 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/15_borisov/index.php
9. Бик О.В. Оценка качества архитектурно-художественного решения интерьера православного храма // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №4(41). – С. 191-200 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/14_bik/index.php
10. Мелодинский Д.Л. Пропорции и масштаб в архитектуре // Architecture and Modern Information Technologies. – 2015. – 1(30) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://marhi.ru/AMIT/2015/1kvart15/melod/abstract.php>

References

1. Opolovnikov A.V., Opolovnikova E.A. *Derevo i garmonija* [Tree and Harmony]. Moscow, 1998, pp.14, 101.
2. Lyutikova N.P. *Chasovni i kresty na Russkom Severe* [Chapels and Crosses in the Russian North. Kenozerskie readings - 2009. Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference]. Arkhangelsk, 2011, p. 4.
3. Kirsanova O.T. *Derevo kak proobraz cheloveka v mifologicheskom soznanii* [Tree as a prototype of man in the mythological consciousness. Kenozerskie readings - 2009. Collection of materials of the IV All-Russian scientific-practical conference]. Arkhangelsk, 2011, p. 181.
4. Agapkina T.A., Toporkov A.L. *Materialy po slavyanskemu jazychestvu* [Materials on Slavic paganism. Literature of Ancient Russia: Source Studies]. Leningrad, 1988, pp. 224-335.
5. Tretyakov S.V., Koptev S.V., Kosarev V.P. *Svjatye roshhi i derev'ja Kenozerskogo nacional'nogo parka* [Sacred Groves and Trees of the Kenozersky National Park. Kenozerskie readings]. Arkhangelsk, 2004, pp. 151-158.
6. Zhukova T.E., Zhukov P.V., Dubrovina T.A., Ryabova M.S., Sergeeva A.A. *Issledovanie kul'turnyh landshaftov Russkogo severa kak faktor vospitanija specialistov* [Study of cultural landscapes of the Russian North as a factor in the education of specialists. Magazine Successes of modern science]. 2017, no. 1, vol. 4.
7. Zhukov P.V., Zhukova T.E. *Razvitie infrastruktury turizma v uslovijah Russkogo Severa* [Development of Tourism Infrastructure in the Conditions of the Russian North. Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University]. 2013, no. 5.
8. Borisov S.V. About the Modern Understanding of Asceticism in the Church Architecture. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2016, no. 4(41), pp. 201-218. Available at: http://marhi.ru/eng/AMIT/2017/4kvart17/15_borisov/index.php
9. Bik O. Assessment of the Architectural and Artistic Design of the Orthodox Church Interior. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2017, no. 4(41), pp. 191-200. Available at: http://marhi.ru/eng/AMIT/2017/4kvart17/14_bik/index.php
10. Melodinsky D. Proportion and Scale in Architecture. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2015, 1(30). Available at: <http://marhi.ru/eng/AMIT/2015/1kvart15/melod/abstract.php>

ОБ АВТОРАХ

Жуков Павел Валентинович

Доцент, кафедра «Основы архитектурного проектирования», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
e-mail: 7224611@mail.ru

Жукова Татьяна Евгеньевна

Старший преподаватель, Департамент ландшафтного проектирования и устойчивых экосистем Аграрно-технологического института, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия
e-mail: zhukcova@mail.ru

Халаби Салем Махмуд

Кандидат технических наук, доцент, Инженерная академия, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия
e-mail: khalabi_sm@rudn.university

Беляева Лариса Алексеевна

Старший преподаватель, Инженерная академия, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия
e-mail: laribelle@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS**Zhukov Pavel**

Associate Professor, Chair «Basics of Architectural Design», Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia
e-mail: 7224611@mail.ru

Zhukova Tatyana

Senior Lecturer, Department of Landscape Design and Sustainable Ecosystems of the Agrarian-Technological Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
e-mail: zhukcova@mail.ru

Halabi Salem

PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Head of Architecture, Department of Architecture and Construction, Engineering Academy, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
e-mail: khalabi_sm@rudn.university

Belyaeva Larisa

Senior Lecturer of the Department of Architecture and Construction, Engineering Academy, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
e-mail: laribelle@mail.ru